

АЛАН СМИТТ

ПОКЕМОНЫ И ИКОНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алан Смити

Покемоны и иконы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49887476

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08084-3

Аннотация

Главный герой – молодой и известный видеоблогер, который от первого лица рассказывает о своём задержании, аресте и суде за ловлю покемонов в православном храме. В основу романа положен реальный приговор суда, по которому видеоблогер был признан виновным в экстремизме и в оскорблении чувств верующих. История главного героя – это попытка отделить фальшь от правды, которая в современном мире в большом дефиците.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
1. Встать! Суд идёт!	5
2. В космос летал, чеченцев не видел	12
3. Письма ненависти от верующих	21
4. Письма ненависти от феминисток	29
5. Вступил в секту	39
6. Суицид мусульман на ЕГЭ	46
7. Идеальный православный брак?	52
8. Патриарх Кирилл, ты п...	60
9. Ловим покемонов в храме	68
10. В тюрьме за ловлю покемонов?	74
11. Дошёл до ручки	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Алан Смити

Покемоны и иконы

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Сыну.

Автор

– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

– Я – историк, – подтвердил учёный и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!

И опять крайне удивились и редактор, и поэт, а профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал:

– Имейте в виду, что Иисус существовал.

– Видите ли, профессор, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

«Мастер и Маргарита»

Михаил Булгаков

Часть 1

*– Так вот в чём прелесть полетов в небо!
Она – в паденье! Смешные птицы!
Земли не зная, на ней тоскуя,
они стремятся высоко в небо
и ищут жизни в пустыне знойной.
Там только пусто.*

*«Песня о Соколе»
Максим Горький*

1. Встать! Суд идёт!

«Встать! Суд идёт!» – в зале судебного заседания постепенно стихли разговоры, и пристав, небрежно зацепившись большим пальцем за бронезилет, как будто рука его была сломана и подвязана повязкой, привычным движением открыл дверь. Из коридора послышались тяжелые шаги судьи.

«Именем Российской Федерации.

Верх-Исетский районный суд города N С-кой области в составе председательствующей Криворучко Е. П., с участием государственного обвинителя старшего помощника прокурора Верх-Исетского района города N Копыловой Е. В., адвоката Баимакова А. В.

по обвинению Соколова Руслана Геннадьевича, 20

октября 1994 года рождения, с неоконченным высшим образованием, не работающего, ранее не судимого, в совершении девяти преступлений по части 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, шести преступлений по части 1 статьи 148 УК РФ, одного преступления по части 2 статьи 148 УК РФ и одного преступления по статье 138.1 УК РФ установил:

в период времени, с 14 июля 2015 года по 19 августа 2016 года, подсудимый, поддерживающий экстремистские взгляды, на почве личных националистических взглядов, а также взглядов по отношению к религии и отдельным социальным группам совершил ряд умышленных преступлений, используя свои персональные страницы под названием «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube, а именно совершил действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, публично, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, кроме того, совершил публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, кроме того, незаконно приобрёл специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, при нижеследующих обстоятельствах...»

Помню, как в детстве залез на крышу пятиэтажки. Решил

слазить, собственно, на чердак, он оказался незапертым, и жажда открытий понесла меня вверх по металлической лестнице. До того момента, как я откинул тяжелую крышку, чердак мне всегда представлялся таким уютным местом, где можно было спрятаться с книжкой или просто побыть наедине со своими мыслями. Может, такие чердаки где-то и существуют, но чердак в нашей *хрущёвке* больше напоминал кошачий туалет. Запах, по крайней мере, там был соответствующий. Почему-то пол был засыпан песком, по которому была проложена узкая дорожка из досок. Чердак для всех трех подъездов дома был общим. Прячась по углам, ворковали голуби. Их пометом были загажены все доски, перегородки, даже телефонные провода, что нависали над проходом и неприятно гладили щёки, когда я пытался между ними протиснуться. В тени чердака ровными светлыми линиями было очерчено окно, через которое я попал на покатуую крышу. Осторожно ступая по шиферу, я добрался до самого края крыши. Мною овладели одновременно и страх, и восхищение. Высота пугала, но она и манила своей свободой. Можно было или упасть вниз, как мешок песка с кошачьими экскрементами, или взлететь, как голубь. Поставив одну ногу вперед, отставив руку назад для равновесия, я нагнулся и посмотрел вниз. На лавочке кому-то перемывали кости пенсионерки, сосед ковырялся под капотом своей «Нивы», а в песочнице малышня обсыпала друг друга песком. Двор жил своей обычной жизнью. Но сверху эта жизнь выглядела

совсем иначе. Во всех смыслах я был выше тех забот, что окружали меня внизу. Люди и предметы были игрушечными, легко можно было двумя пальцами прижать кого-нибудь, стоило только протянуть руку, универмаг уже не казался таким далеким, а небо, оно вдруг стало таким близким, что, казалось, вот-вот облако могло задеть шевелюру. Я стоял, очарованный, и завидовал птицам. От внезапно накотившего на меня счастья я даже на секунду закрыл глаза, чтобы всей грудью вдохнуть свежий воздух.

Когда стоишь, например, на бордюре и смотришь вниз на поверхность дороги, что всего в двадцати сантиметрах от твоей подошвы, глаза можно закрыть, и ничего не произойдёт. Ты будешь твердо стоять, не шелохнувшись. А когда под тобой уже двадцать метров, представить себя стоящим на бордюре крайне затруднительно. Закрывать глаза, стоя на краю пропасти, опрометчиво. Стоит на мгновение ослабить контроль и... бах! Или – шлёп! Звук будет зависеть от того, чем ты набит: динамитом или дерьмом. Я почувствовал, как стал терять равновесие. Неожиданно край старого шифера подо мной лопнул. Колени подкосились, и тело стало заваливаться набок. От внезапного страха я ещё сильнее зажмурил глаза. Вдруг через черноту век поплыли радужные круги, меж которых, как кадры старой кинохроники, замелькали серая крыша, голубое небо, высокие сосны, клумбы у подъезда – отрывисто, смазано, будто вот-вот плёнка оборвется...

Она сидела у огромного окна и трубочкой помешивала

латте в высоком стакане. В её светлые русые волосы были вплетены солнечные зайчики, что отражались от глянцевого экрана телефона, лежащего перед ней на столике, и от начисто вымытого окна кофейни, через которое в лучах солнца блестели позолоченные купола храма. С соседнего столика мне хорошо были видны её длинные ресницы, хлопающие в такт неспешной музыке, лившейся из колонок откуда-то сверху. Алые пухленькие губы время от времени нешироко распахивались, впуская тонкую изогнутую трубочку, плотно её сжимали, а затем отпускали. Наблюдать за тем, как она пьет кофе, можно было бесконечно. Разыгравшаяся в голове фантазия вдруг заставила меня сконфузиться. Она повернула голову и посмотрела в мою сторону, как бы услышав шепот моих беззастенчивых мыслей. Как же порой нам надо мало времени, чтобы за доли секунды считать послание, уместившееся во взгляде, но как мучительно долго потом приходится его расшифровывать. Отвернувшись, она чуть заметно улыбнулась.

«Можно мне тоже в окно посмотреть?» – подошёл я к ней с совершенно идиотским вопросом.

«Так вы уже полчаса с него глаз не сводите», – подхихикнув, ответила она.

«Да, но за это время я так и не разглядел, что там», – подсаживаясь, я улыбнулся в ответ.

В тот день мы гуляли с Ирккой до самого позднего вечера. Пришло лето, и воздух наполнился ароматами новой жизни,

распускающихся цветов и зеленеющих газонов. Сумерки отступали все дальше в ночь, но уличные фонари по-прежнему загорались рано, бесцельно растрачивая киловатты электроэнергии.

Ирка была моложе меня на четыре года и только заканчивала школу, ей оставалось сдать ЕГЭ. Она уже знала, куда будет поступать. Видела себя юристом. Здесь мы с ней были на одной волне: я уже как два года перевёлся из шадринского *педа* на юридический в Н. Но в отличие от меня, у неё было разложено все по полочкам. Была она из таких прилежных учениц, с хорошими манерами, в приличных шмотках. С ней даже материться рядом было стыдно. Я и не матерился. Для этого у меня была особая площадка, где можно было себе ни в чем не отказывать и не стесняться в выражениях. Это был мой канал на Ютубе. Там материться не возбранялось, поэтому большинство блогеров, кто для красного словца, кто для связки слов, щедро вставляли в свою речь короткие определения падших женщин, заменяли объяснения сложных и неразрешимых обстоятельств ёмкими словами и выражениями, имеющими женское или мужское начало, а своих виртуальных визави смело слали в *пеишую эротическую прогулку*. Там царила свобода, на которую в реальной жизни рос дефицит.

«А ведь я заходила на твой канал», – озорно взглянув на меня, сказала она.

Она быстро перешла на *ты*, хотя поначалу и *выкала* мне.

Когда ты в школе, то к разнице в возрасте относишься совсем по-иному: там два-три года имеют большое значение. А вот как только ты переступаешь школьный порог и оказываешься в среде, где молодость для большинства скорее объект зависти, а не пренебрежения, на разницу в возрасте ты просто перестаешь обращать внимание.

«И как тебе?» – не без интереса спросил я.

«Смело, ничего не скажешь. А ты не боишься, что найдутся возмущенные верующие и устроят тебе веселую жизнь?» – спросила она меня.

Боялся ли я? Тогда я ещё не предполагал, что опасность исходила не от этих ботов и гоблинов, пишущих всякое дерьмо в комментариях, а совсем от других.

2. В космос летал, чеченцев не видел

«...14 июля 2015 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, а также в целях оскорбления религиозных чувств верующих совершил публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу: разместил в свободном доступе для неограниченного круга лиц на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеоизображение под названием «В космос летал, чеченцев не видел», которое ранее самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 148 и частью 1 статьи 282 УК РФ...»

В тот вечер мы гуляли с Иркочкой допоздна.

«Ты только представь: нас на Земле почти семь миллиардов, – с жаром я рассказывал Ирке, – из них девяносто восемь процентов – разные христиане, мусульмане, индусы, буддисты и прочие шаманы и только два процента от всего населения – атеисты!»

«То есть тех, кто верит, больше. Может, поэтому и правда пока за ними?» – Ирка с прищуром смотрела на меня своими голубыми глазами и блестела белозубой улыбкой.

«Да какая за ними может быть правда? – не унимался я. – Мы в космос уже больше полвека назад человека запустили! На Луне были, скоро на Марс полетим! Мы даже погодой уже управлять научились: хотим – тучи над Красной площадью разгоним, а захотим – за Полярным кругом субтропики сделаем! За последние двести лет человечество ответило практически на все вопросы, раскрыло тайны всех явлений, которые его пугали многие тысячи лет. Всему теперь есть объяснение. Научное!»

«Хорошо, почему же тогда самая передовая половина человечества, американцы, самая верующая? У них даже на долларах надписано *In God we trust*», – пыталась раззадорить меня противоположной позицией Ирка.

«С чего ты взяла? Во-первых, не «половина». Во-вторых, в чем она «сама передовая»? Они, несомненно, преуспели в уничтожении других народов, но и в этом они не лидеры. И ведь, знаешь, гнобя индейцев и негров, они наверняка помнили о боге. И атомную бомбу на Хиросиму скидывали тоже с божьего благословения».

Ирка замолчала. После небольшой паузы я добавил:

«Кстати, знаешь, что у солдат вермахта на пряжках тоже надпись была «С нами Бог»?»

«Ну ладно тебе, – она осторожно взяла меня за ладонь, –

чего завелся?»

«Я ж не против, пусть верят, – смягчился я и её ладонь уже не отпускал. – Может, и хорошо, что мы такие разные и по-разному мыслим. Меня возмущает только, когда верой прикрываются, совершая подлости. Верующие ведь как думают: *«Вот я нагрешу сейчас, а потом отмолю свои грехи в церкви»*. А церковь этому потакает, отпуская грехи. И чем грех страшнее, тем больше цена за отпущение. Но цена не в смысле тяжести будущих страданий в *загробной жизни*, а в смысле той, которую необходимо заплатить в *этой*. При чем заплатить деньгами церкви. Получается такой замкнутый круг: нагрешил – покался – заплатил – и твои злые дела обнулились».

Заметно стемнело и немного похолодало, лишь где-то далеко за домами ещё тлели угли багрового заката. Надо было двигаться в сторону дома.

«Пошли скорей», – потянул я Иру за руку, и мы побежали через дорогу на мигающий *зелёный*.

Вдруг из-за «Газели», ожидавшей перед пешеходным переходом, вылетела чёрная «Приора». Ну, вы знаете, ездят такие, с подрезанными пружинами, так что днище не пропускает ни одного «лежачего полицейского», и с наглухо затонированными стёклами, так что даже днём внутри салона, как ночью. «Приора» неслась, не снижая скорости, несмотря на то, что для машин продолжал гореть *красный*. Краем глаза я заметил приближающееся тёмное пятно: тусклый свет фар

«Лады» кое-как пробивался через тонировочную пленку. Я, что было силы, впечатал подошву в асфальт и резко затормозил, сжав Иркину ладонь ещё сильнее. В то же мгновение, царапая барабанные перепонки, из-под чуда отечественного автопрома вырвался визг тормозов. «Приора», оставляя на дороге чёрный след, пошла юзом, всё ближе и ближе надвигаясь прямо на нас. Бежать назад мы уже не могли: все силы были потрачены, чтобы остановить инерцию, с которой мы бежали по зебре, а времени сделать хоть какие-то усилия, чтобы двинуться в обратном направлении, уже не осталось. «Неужели пиздец?» – успело промелькнуть в моей голове.

Автомобиль вильнул, корму его развернуло, и он, уже не управляемый, со скрипом влетел на пешеходный переход. Не остановись мы, мы бы оказалась на его пути. «Приору» крутануло и отбросило на бордюр. Секунда – и со звуком сминаемой консервной банки бампер рассыпался на куски, а налетевшее на бетонную преграду переднее колесо вмялось в лонжерон, загибая на своём пути привода и рулевые рейки. Машина наконец остановилась. Мы с Иркёй стояли неподвижно. Всё вокруг замерло. И даже городские звуки вдруг стихли. Тишину лишь нарушали низкие частоты сабвуфера, дребезжащего из багажника «Приоры», и завывания рэпера: *«Лада седа-аан, бакла-ажан»*.

Спустя полминуты стихла и музыка. Задние и передняя двери со стороны пассажира враз открылись, и из машины вывалились очумевшие хачики. Видимо, водительскую

дверь заклинило, поэтому из передней пассажирской вылезли двое. Всего их было четверо. Они стали осматривать машину, водитель, сев на корточки и заглянув под машину, схватился за голову и что-то провопил. Затем они резко развернулись и направились в нашу сторону.

«Ти, баран, бля! Ти куда прешь?!» – надвигался на нас один из них, размахивая руками.

«Мы шли на зелёный», – я попытался от него отстраниться, закрывая собой Ирку.

«Какой, на хуй, зелёный?! Посмотри, – он указал на светофор, – красный горит!»

«Тогда горел зелёный», – пытался спокойно объяснить я.

«Чо, бля, шары залил?!» – он не обращал внимания на мои объяснения.

Он подошёл ко мне вплотную, расправив плечи и по-орлиному выпятив голову вперед. Из-под широких чёрных бровей на меня смотрели два звериных глаза. Он и вправду был как зверек: тёмная недельная щетина; выступающие из устрашающей гримасы два белых клыка; покрытые бурной растительностью руки, которыми он размахивал у моего лица; резкие движения, что заставляли меня отступать назад. Неожиданно он толкнул меня двумя руками. Я качнулся и спиной навалился на Ирку. Она испуганно закричала.

«Парни, они не виноваты!» – справа послышался чей-то голос.

Все обернулись. Из «Газели» вышел полный мужичок и

осторожно двинулся в нашу сторону.

«А ты кто такой?» – рявкнул на него зверек.

«Я вот на «Газели», – показывая на свой автомобиль, ответил мужичок.

«Вот и убывай на ней отсюда!» – крикнул ему другой хачик, что стоял ближе к водителю грузовичка, и замахнулся на него.

Водитель «Газели» поднял ладони в знак смирения и задом отошёл к своему автомобилю. В этот момент зверек обрушил на меня свой кулак, попав прямо в переносицу. Из носа тут же хлынула кровь. Я согнулся, закрыв нос ладонью, и, крикнув Ирке «Беги!», кинулся на зверька, чуть не повалив его. Подскочили остальные и стали меня пинать, повалив на асфальт. Укрываясь от ударов, я всё же успел разглядеть, как Ирка скрылась за машиной, а «Газель» дала задний ход и через десяток метров развернулась на пустой дороге. Меня пинали, выкрикивая что-то и всё время норовя попасть в лицо. На моё счастье, с другой стороны подъехали два автомобиля и ослепили нас ярким светом ксеноновых фар. Первый остановился, а второй, что ехал за ним, громко просигналил. Никто из машин не вышел, но, видимо, сигнал немного всех отрезвил. Хачики перестали меня пинать. Я на четвереньках отполз в сторону и попытался подняться. Кровь продолжала хлестать из носа, но, кажется, ничего сломано не было. Я встал и, качаясь, вернулся на тротуар, откуда мы с Ирккой начали переходить дорогу. Пока машины медленно и с опас-

кой обруливали место аварии, я скрылся в темноте...

Воинственным атеистом я себя никогда не считал. Особо-го дела до верующих, если быть откровенным, мне никогда не было. Всегда считал, что дело каждого, в кого и во что ему верить или нет. Но, как говорится, твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Однажды меня возмутил один случай, когда эта тонкая грань, как мне показалось, была нарушена.

В N я занимался рекламой в интернете, у меня была своя студия и три непостоянных работника. Звучит, конечно, громко, но всё же приходилось даже снимать офис – угол в одном компьютерном зале, который постепенно загибался по мере того, как у его завсегдатаев стала появляться возможность покупать серьёзную технику себе домой. Недалеко от нас располагалась мечеть. Стояла середина лета, и подходил к концу мусульманский пост Рамазан¹. Была жуткая жара днём и духота по вечерам, так что окна в офисе были распахнуты почти круглые сутки, из которых по несколько раз на день доносились призывы к молитве. Казалось, что мусульмане стекались, чтобы совершить намаз², со всех концов города. Все прилегающие дороги, тротуары, газоны, ближай-шие дворы были заставлены машинами, среди которых пре-

¹ Или Рамадан (*араб.*) – девятый месяц мусульманского календаря. В этот месяц мусульмане постятся в светлое время суток от начала утренних сумерек до захода солнца, а по окончании месяца отмечают праздник Ураза-байрам

² Каноническая молитва из пяти стихов Корана

обладали старые «Жигули» и «Лады», часто с наглухо тонированными стёклами и с подрезанными пружинами. От того, что все желающие в мечети не помещались, люди молились прямо на улице. И всё бы ничего, только вечерами, когда солнце клонилось к закату, в округе происходило нечто невообразимое. К кафе, шашлычным и шаурмичным и к самой мечети десятками подвозились живые овцы и козы, которых тут же резали на глазах у прохожих прямо на асфальте, на траве, на детских площадках, где только находили место! Эти убийства происходили на глазах многочисленных зевак, среди которых было много детей. Всё это напоминало какой-то дикий и древний обряд жертвоприношения. А после заката там начинался пир, и это в пост! Из офиса мы уходили обычно поздно, поэтому приходилось пробираться через толпы снующих туда-сюда людей, через многоголосую и непонятную восточную речь и стойкий запах крови и свежего мяса.

Никогда не забуду, как однажды мне пришлось протискиваться через тот «восточный базар». Люди хаотично ходили, перетаскивали что-то, толпились кучками. Я обходил одного, второго, третьего и, уваливая от очередного встречного, чуть не наступил на лежащего на тротуаре барашка. Баран был живой, но не шевелился. Он лежал на боку, задние его ноги и одна передняя были связаны верёвкой. На нём восседал крепкий мужик с рыжей бородой, без усов, в тюбетейке. Бородатый прижимал барана к земле своими коле-

нями. Одной рукой с закатанным по локоть рукавом мужик сжал гортань бедному животному, а другой рукой, в которой сверкнул огромный нож, одним привычным движением сверху вниз разрезал ему шею. Барашек, который до того лежал целомудренно, спокойно, вдруг стал дергаться всем телом, но его движения сковывали предательская верёвка и сидящий сверху убийца. Из разрезанного горла, пульсируя, тут же хлынула кровь, заливая руку мужика, шерсть умирающего животного и тротуарную плитку вокруг. Я не услышал ни жалобного блеяния, ни ужасного рева – только вырывающийся из перерезанного горла воздух. Он вышел почти беззвучно, слышалось только бульканье крови, струящейся из артерии. Наверное, так покидал безжизненное тело овечий дух.

Бедный баран мне снится до сих пор. В сущности, мы мало чем от овец отличаемся: нас загоняют в стада, регулярно состригают с нас шерсть, ставят в загоны, а когда приходит время принести жертву, выбирают из стада молодого, крепкого, без видимых дефектов барана и публично его режут. При этом ни жертва, ни стадо даже не смеют вякнуть. Один молчит оттого, что звук из легких через перерезанное горло не успевает долететь до голосовых связок, а другие – потому что боятся стать следующими.

3. Письма ненависти от верующих

«...1 декабря 2015 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, совершил публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, в целях оскорбления религиозных чувств верующих, разместив в свободном доступе на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях YouTube и ВКонтакте в сети Интернет видеозображение под названием «Письма ненависти от верующих», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 148 УК РФ и частью 1 статьи 282 УК РФ...»

Немного пройдя по тротуару, я завернул за угол.

«Русланчик!» – кинулась ко мне Ирка.

Я был рад её внезапному появлению.

«Молодец, что убежала», – сказал я, забирая у Ирки одноразовый бумажный платочек, который она достала, поспешив помочь мне вытереть кровь.

«Я сбежала! Так нельзя поступать!» – плакала она.

«Нет, ты всё правильно сделала, – я старался успокоить

её. – Ты могла позвать на помощь».

«Но не позвала. Я сильно испугалась», – ревела Ирка.

«Перестань! Всё хорошо. Что ты могла сделать против тех отморожков? – я взял её ладонь и прижал к своей щеке. – Пошли скорей отсюда».

Я снова потянул её за руку.

Через пять минут мы были на соседней улице и направились к супермаркету. От его витрин было светло, а на парковке стояло такси. Мы быстро запрыгнули на заднее сиденье. Ирка назвала свой адрес, и мы решили сперва завезти её.

«У тебя точно нет переломов?» – беспокоилась всю дорогу Ирка, ощупывая меня.

Было больно, всё тело гудело, но я старался улыбаться. Получалось плохо. От этого Ирка снова начинала реветь. Наконец, мы доехали. Она не позволила мне довести её до подъезда, чмокнула меня в щеку и быстро вылезла из такси.

«Напиши, как доедешь!» – улыбнулась она мне на прощанье.

Я ехал и через стекло смотрел на убегающие фонарные столбы и витрины магазинов, а сам видел наглую, тупую рожу зверька на фоне разбитой «Приоры».

«*Ти, баран, бя! Ти куда прешь?!*» – зверек двигался на меня, покачивая бейсбольной битой.

«*Это ты, баран, куда прешь?!*» – отвечал я ему, становясь в боевую стойку.

Размахнувшись, зверек направил толстый конец биты

прямо мне в висок. Мгновенно сделав большой шаг навстречу удару, я сократил расстояние так, что оказался в одной плоскости с его ударной рукой. Схватив своей левой рукой его кулак, в который была зажата бита, второй я сделал блок, остановив движение. Бита по инерции пролетела мне за спину, не больно ударив плечо. Охватив своей правой рукой его запястье, резко делая шаг назад, я вывернул его вовнутрь так, что зверек согнулся. Продолжая удерживать битку скованной рукой, он второй попытался схватить меня, но тут же получил жесткий удар ногой по яйцам. Я перехватил битку, крутанул ею в воздухе и снизу вверх впечатал зверьку прямо в голову. Он откинулся и упал навзничь. Резко обернувшись, я с налета сокрушил второго, попытавшегося схватить меня сзади. Третий, дергаясь и не решаясь напасть, истошно кричал и делал резкие выпады в мою сторону, вероятно, пытаясь напугать меня. Вдруг где-то за спиной я услышал Иркин крик. Я обернулся: четвертый схватил её сзади и одной рукой держал за горло.

«Брось битку!» – крикнул он мне.

«Отпусти её!» – крикнул я в ответ, медленно опуская битку на землю.

Третий, тот, что дерганый, оказался передо мной и со всего маху пнул меня в голову. На пару секунд я потерял сознание. Открыв глаза, я увидел, как он замахивается биткой. Я резким движением перевернулся на бок и попытался встать. Бита вскользь прилетела по плечу.

«Я сейчас твоей шлюхе горло перережу, как овце!» – кричал четвертый.

Исподлобья я посмотрел на Ирку: она стояла с испуганными, заплаканными глазами и в ужасе не могла издать ни звука. Хачик обнажил огромный тесак и поднес к её голове. Третий что есть мочи ударил меня битой по спине, но я остался стоять, согнувшись, не сводя глаз с ублюдка. Вдруг где-то близко заиграла сирена и повсюду замелькали синие зайчики.

«Валим отсюда!» – крикнул третий четвертому, и тот поспешно оттолкнул Ирку от себя.

Они подняли зверька и помогли второму, и все вместе поспешили скрыться в темноте тротуара за «Газелью». В свете грузовичка я увидел жирного мужика, который всё происходящее снимал на свой смартфон.

«Приехали», – вернул меня в реальность таксист.

Мимо пронеслась «скорая»...

«Аллах покарает тебя, шакал!», «Ты будешь корчиться от боли и жрать своё говно!», «Ты кусок гондона!», «Очень надеюсь, что тебя скоро грохнут!», «Оглядывайся почаще, пидор!» – комментарии к видео становилось больше, и всё чаще стали приходиться вот такого рода. Так называемые мусульмане откровенно угрожали и в подробностях расписывали, как именно будут меня убивать, резать, казнить и насаживать мою жопу на кол. Сколько же в этих боголюбцах было ненависти! Откуда столько гнева? Ведь и Аллах, и Иисус, и Будда, и Кришна, и Иегова, и кто там ещё у них есть, учили

быть терпимыми. Отчего вдруг такая агрессия? Мы в двадцать первом веке живем! И у нас светское государство, где гарантируется свобода слова и мнения.

Мне, как думающему индивидууму, совершенно ясно, что бога нет, что его выдумали. Считаете иначе? Тогда докажите мне обратное, например, силой своей веры передвиньте кирпич. Утрировано, конечно, но доходчиво. Мне же в ответ кирпичом голову обещают проломить! Как к таким людям я могу после этого относиться? Разве можно было считать их умными?

Скажите, что вера в бога не предполагает предъявления доказательств его существования? Но если задуматься на секунду: как можно верить в то, что невозможно проверить? Это как с теоремами: всегда должны быть доказательства. Конечно, я соглашусь и с тем, что доказать отсутствие бога я также не могу. Но всё же поверить в то, что, например, в пустой комнате никого нет, трезвому рассудку легче, чем поверить в то, что пустая комната заполнена людьми. Но в целом такой спор больше похож на *батл* без победителей. Как тут не вспомнить знаменитый ответ Рамзана Кадырова, давно ставший *мемом*: «А ты докажи, что не Аллах».

В первобытном обществе наши прапрапрадеды в силу невозможности рационально объяснить наблюдаемые природные явления приписывали их кому-то более могущественному, чем человек. По прошествии не одной тысячи лет, с появлением иудаизма, христианства, буддизма, исла-

ма и других направлений, объяснение происхождения всего непонятого не изменилось – всё от бога. Но на какую бы ступеньку человечество ни поднималось в своём развитии, людям всегда требовался кто-то, кто всё объяснит. Был нужен вожак, предводитель, вождь, мессия. Так уж у нас, у стайных тварей, устроено: кто-то должен быть главным. А главному важно, чтобы ему подчинялись. И он выдумывал законы, правила и карал за их неисполнение. А чтобы у подданных не возникло сомнений в верности таких правил, приходилось сочинять небылицы: сперва о своём сверхъестественном происхождении, потом, когда люди пообразованней стали понимать, что от рождения мы все равны, – о сверхъестественном происхождении законов. Вот так на заре развития человека объяснялись простые явления природы, а потом прививались нормы поведения, в том числе по отношению к божеству и его земному наместнику.

В том, что люди верили и верить продолжают, плохого ведь не было и нет. Напротив, вера объединяла. Учитывая, как часто люди друг друга завоёвывали, грабили и убивали, объединение по признаку веры эти связи только усиливало. Но и здесь не стоит забывать, что грабежи, разбои и победы над соседями всегда происходили тоже с «божьего» повеления или благословения. А насаждения своей веры иноверцам без пролития крови история также не знает. Зато история знает массу жесточайших убийств тех, кто не признавал общепринятое сверхъестественное начало. Еретиков

безжалостно казнили и в Европе, и на Руси, и на Востоке. А сколько «ведьм» было сожжено, сколько «демонов» на кол посажено, сколько шей было перерезано «неверным»? К сожалению, мы не во всём готовы признаться и не всё желаем вспоминать. Например, признавая геноцид греков и армян Османской империей или евреев и цыган – нацистской Германией, мы в России почему-то молчим об уничтожении своих родных староверов. И уж никто точно не вспомнит, сколько было уничтожено аборигенов во времена покорения Сибири и Дальнего Востока. И таких примеров по всему свету. И что ни смерть – во имя бога!

Только вдуматься: теория эволюции Дарвином была описана ещё в середине XIX века. С того времени она получила абсолютно точные подтверждения. Она победила абсолютно везде. Но в общественном сознании битву за умы человечества она проиграла. Это горькая, но правда. Казалось бы, к двадцатому веку никаких сомнений в естественном, природном происхождении разумной жизни не должно было остаться. Так нет, мало того, и в двадцать первом веке преобладающая часть человечества продолжает верить в своё божественное происхождение! Отчего так происходит? Быть может, оттого, что теория эволюции загромождена кучей научных параметров, сложно увязанных между собой? Она пугает своей непостижимостью. Дарвинизму страдает от отсутствия краткого, наглядного материала, который можно было бы показать и рассказать за пять минут. Или, может, всё де-

ло в том, что люди предпочитают правде о долгом и трудном развитии всего живого красивую сказку о сотворении мира за неделю? Куда проще принять за истину, что бог создал человека, чем разбираться в тонкостях и хитросплетениях происхождения видов путем естественного отбора.

Помню, как-то разговаривал со своей бабушкой, что по маминой линии, на тему церкви. Она считала себя православной верующей. Но веру приняла, с её слов, уже после развала Советского Союза. Ну я её спрашиваю, значит, с чего она вдруг поверила в то, что бог есть и зачем крестик решила надеть. А она отвечает, мол, тогда многие пошли в церковь, и она пошла. Сперва часто ходила, иконки там всякие покупала, поститься пыталась. Если с иконками всё просто было – расставил их по разным углам, и всё, то вот поститься никак не получалось: сначала ограничилась отказом от мяса, а потом и вовсе только отметкой в календаре. Зато любила бабушка моя креститься по поводу и без. Делала она это ответственно, трижды рассекая перед собой воздух, прикасаясь ко лбу, к животу и плечам сжатыми кончиками трех пальцев, будто подсаливая. Но молитв она не знала. Да и Библию она тоже никогда не читала. И таких *нововеров*, как моя бабушка, у нас, знаете ли, большинство, не так ли?

4. Письма ненависти от феминисток

«...1 февраля 2016 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, разместил в свободном доступе на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «Письма ненависти от феминисток», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступление по части 1 статьи 282 УК...»

Как некстати расползлись по лицу прыщи. Торчащие тут и там клочки усов и бороды хотелось поскорей сбрить, но лезвие больно ранило тонкую кожу, отчего лицо заливали кровавые подтеки. Спасение оставалось лишь в онанизме. Она была с длинными распущенными волосами, словно пролитая на плечи чёрная краска. Никогда не мог разглядеть её лица. Она сразу опускалась на колени, из-за макушки был виден только её шикарный зад. Она нежными пальцами уверенно брала своё, а я лишь чувствовал её тяжелое, теплое дыхание, потом легкое покусывание и... вмиг, с рывками,

всё становилось мокрым. А мне становилось немножечко стыдно...

Ирка не была из моих эротических фантазий. Но это не мешало мне мартовским котом прыгать вокруг неё и рассказывать разные истории, пытаясь рассмешить. Вел я себя как мальчишка. Она же смотрела на меня совершенно по-взрослому. Обычно девчонки её возраста не прочь провести время с парнями постарше. Я же, несмотря на свой язык без костей, по правде сказать, опасался противоположного пола, как мышь газонокосилки. Говорил я без устали, прыгая с темы на тему, боясь замолчать. Но тот неловкий момент, когда ты ещё не всё сказал, но уже не знаешь, о чем говорить, рано или поздно настаивал. Говорят, что молчание – сила, а если эту силу применяют те, кого мы любим, то это страшная сила. Но от молчания растёт тревога. Ничто так не тянет к человеку, как то, что с ним разделяет. А преградой часто становится именно молчание, которое, как пытка, способно довести до безумия. Но, когда молчит любимый человек, это пытка вдвойне.

Мы с Ирккой общались не так часто, как этого хотелось. Она уже отлично сдала ЕГЭ, и уже не было никаких сомнений, что её зачислят на юрфак на бюджет, у меня же оставались серьёзные долги по теории государства и права и ещё паре предметов. Совмещать учебу с зарабатыванием денег было трудно, деньги увлекали куда сильнее новых знаний, и я решил взять *академ*.

После того случая с «Приорой» по вечерам мы старались не шляться. Я ей и себе купил газовые баллончики. На всякий случай.

Мы целовались. Я ощупал все её сокровенные выпуклости и ямочки. Но дальше этого не заходило. Да я и сам, если быть откровенным, боялся той минуты, когда придётся раздеть её и снять трусы самому. К тому же ей не было ещё восемнадцати.

Однажды Ирка должна была зайти за мной в офис, мы собирались сходить куда-нибудь вдвоем. Но она задержалась и пришла в конце концов не одна, а с подружкой. Подругу звали Полина. Они до девятого класса учились вместе, а потом Полина поступила в медицинский колледж. В отличие от Ирки, которая выглядела старше своих лет, Полина оставалась типичным тинэйджером со взъерошенными жидкими рыжими волосами. Худая и бледная. Косметики на её миллом личике не было, а на шее виднелся покрасневший прыщик. Глаза, которые она постоянно норовила спрятать, были серо-голубые, бездонные и растерянные. На среднем пальце ноготь был сломан, и она постоянно прятала руки, то сжимая свои костлявые кулачки, то натягивая на ладони рукава толстовки.

«Слушай, – с порога начала Ирка, – тут с Полиной какой-то пиздец происходит».

Ирка была взволнована, а Полина, напротив, была очень отстраненной. В офисе, кроме меня, никого не было. Они

разместились на свободных креслах, а я сбегал к автомату за кофе.

«Поля, прошу тебя, расскажи, – донимала её Ирка, – нельзя продолжать молчать».

«Даже не знаю, с чего начать, – Полина смотрела в пластиковый стаканчик на пенку, что плавала в тёмно-коричневой жидкости, и палочкой помешивала сахар. – Всё как-то внезапно произошло».

«Полю изнасиловали», – сказала мне Ирка.

«Только что?» – спросил я.

«Нет, давно», – ответила Полина.

«Ты заявила в полицию?» – снова спросил я.

Она помолчала, потом заплакала. Ирка дала ей бумажный платочек и попыталась успокоить.

«Есть у меня подружка в колледже, – Полина начала свой рассказ, – Наташа. Дружила она с хачиком одним. Ну как дружила – он её из колледжа на своей тачке забирал. Она с ним на шашлыки ездила: вино, музыка, всё такое. Меня много раз звала с собой, но я *этих* всегда опасалась: они слишком наглые и какие-то недобрые. Хотя ухаживают, деньгами разбрасываются. Один только раз они меня до дома довели, а сами дальше гулять поехали. Не знаю, может, месяц-два они дружили, а потом Наташка избегать его стала. Я спрашивала, что случилось, но она рассказывать не хотела. Или побоялась. Только просила меня иногда посмотреть, нет ли у входа машины Руслана. Его тоже Русланом звать».

Она помолчала и продолжила:

«Короче, как-то после занятий я пошла одна, а этот, Руслан её, на своей «Приоре» подъехал, поравнявшись со мной, давай сигналить, чтоб я остановилась».

«Приоре?» – не удержался я.

«Да, – удивилась моему вопросу Полина, – чёрная и затонированная вся».

Вышел он, значит, и спрашивает, где Наташка. Я ему, мол, не знаю. Он меня обвинять стал, что я скрываю её от него. Меня аж взбесило это. Говорю, чтобы они сами между собой разбирались, без меня. И пошла. Тут он меня схватил и в машину давай пихать. А там его друзья сидели, оказывается. Меня, как котенка, закинули на заднее сиденье и зажали с двух сторон. Я даже не сопротивлялась: они здоровые такие, сильные».

«Блядь, сволочи!» – не выдержала Ирка и посмотрела на меня.

«Потом они меня долго катали, заставили Наташке позвонить, но та не отвечала даже на мой номер. Мне кажется, что она могла видеть, как меня в машину заталкивали. Но точно не знаю. Затем отвезли в гараж какой-то. Я всю дорогу головой на коленях у одного из них лежала, чтоб не могла видеть, куда меня везли, – сказала Полина и снова заплакала. – Они всю дорогу угрожали мне, что будут *трахать меня во все щели*. Говорили, что в нашем *меде* все трахаются. А когда завели в тот грёбаный гараж, сделали, как обещали».

Ирка обняла подругу. Полина ревела, и успокаивать её было бесполезно. Потом она достала из кармана тонкие сигареты и взглядом спросила, можно ли ей закурить. Я кивнул.

«Этот Руслан сказал, что если заявлю в полицию, то он меня и Наташку закопает заживо. Я была ужасно напугана», – продолжала она, закуривая.

Полина после каждой затяжки кашляла, было видно, что курить она начала недавно. Мы сидели с Ирккой, слушали и тоже уже были готовы закурить. Было состояние полного бессилия перед жестокостью. В голове у меня промелькнули события нашего с Ирккой первого вечера, когда она успела убежать от тех ублюдков. Меня просто ужас охватил, как только представил, что её могли изнасиловать.

«Но на этом всё не закончилось, – всхлипывая, продолжала Полина. – Когда я добралась ночью до дома, мать сказала, что умер отец. Я, понятное дело, матери ничего рассказывать не стала. До сих пор она ничего не знает».

«Может, надо было всё-таки в полицию?» – опять спросил я.

«Не до неё было, – ответила Полина, – там уже другие проблемы появились».

«Что ты заладил про эту полицию? – немного нервно вступилась за подругу Ирка. – Разве ты не понимаешь, что о таком даже близким тяжело рассказать? Это же пятно на всю жизнь! На неё ведь все вокруг пальцами будут тыкать, как будто не её изнасиловали, а она!»

Раньше, наверное, я был сексистом. Не то чтобы я плохо к женщинам относился, но была у меня своя теория об отношении к ним. Они, как и весь род человеческий, разные: красивые и не очень, добрые и хитрые, умные и глупые. Часто все эти качества у каждой вперемешку. Одним словом, неоднозначные. Красивым, конечно, по жизни везет больше. Им и двери придерживают, их и вперед пропускают, их и на работу берут охотнее, и замуж. И для красивой женщины лучше всего быть дурой, даже если на самом деле она и не такая. Кстати, те, что действительно не глупы, очень неплохо вживаются в роль среднестатистической блондинки и *имеют* мужиков по полной. Но талантом влиять на мужчин обладают не только красавицы, просто некрасивым это делать немного сложнее. Для дурнушек же важно, чтоб имелись мозги. Если же и их нет, то всё пропало.

А ещё: от глупости – доброта. Нет, конечно, никакую жестокость я не оправдываю. Просто, если для кого *одно* жестоко, для другого *оно же* вполне гуманно. У кота вполне себе гуманный инстинкт поймать и съесть мышшь, но с точки зрения самой мыши она жертва, а кот поступает жестоко. Но эволюция – это процесс, в котором выживают сильнейшие. Это не я, это Дарвин сказал. У нас же доброта часто с доверчивостью ассоциируется. И те женщины, что себя добрыми считают, скорее, просто доверчивые. Оттого – глупые. Хитрым проще, но часто такие сами себя обхитрить пытаются.

И все эти разговоры про равенство полов не больше чем

попытка защититься от жестокости. Вещи надо своими именами называть. Вместо этого нас уводят в демагогию про недопустимость разделения по гендерному признаку, про права женщин на работу, высокую зарплату, про право выбирать и так далее, забывая совсем о праве женщин *быть женщиной*. Они долгие годы боролись за свою эмансипацию и во всех развитых и прогрессивных странах своего добились. Кстати сказать, добились благодаря усилиям идиотов и дурнушек: тут стоит только посмотреть на фотографии Розы Люксембург и Клары Цеткин, и всё станет ясно. Почему идиоток, спросите? Да потому, когда они за женские права боролись, все нормальные бабы дома сидели, а не мечтали наравне с мужиками за станками стоять по восемь часов в день. А если же эти суфражистки³ не понимали, к чему приведет их борьба за женские свободы, то этим они только подчеркнули отсутствие у них ума. Их просто использовали предприимчивые фабриканты, чтобы получить дополнительную дешевую рабочую силу. И вот, когда бабу от мужика невозможно стало отличить, когда она и коня на скаку, и в горящую избу, она вдруг вспомнила, что хочет быть красивой, ухоженной, в меру глупой, заботливой хозяйкой у себя на кухне, а не в заводской столовой.

Но вот какое дело: не отказываясь от завоеванных когда-то прав и свобод, они не хотят отказаться и от преиму-

³ От *suffragettes* (*фр.*) – участницы движения конца XIX – начала XX вв. за предоставление женщинам избирательных прав

щества быть женщиной. В детстве их балуют больше, чем мальчиков, а после школы опекают, пока замуж не выйдут. В армию их силком не загоняют, хотя есть такие, которые туда добровольно идут. Женщина в форме только на параде сексуально смотрится. На самом же деле это противоестественно: женщина рождена продолжать род, а не уничтожать его. А раз она пришла в армию, пусть и не с автоматом, а хоть и в штабе приказы отстукивать, то она так же участвует в убийствах, как и те, кто с автоматом или в танке.

Да, есть страны, в которых до сих пор живут по законам шариата или законам природы, – там женщинам ещё только предстоит вкусить свободы, неведомые им сейчас. Но у нас-то женщина и депутат, и милиционер, и миллионер. Хотя такие часто с железными яйцами, и женского в них порой столько же, сколько в мужике. А в большинстве-то своём что им не хватает? Если они жопой не крутят, не провоцируют, то никто их не трогает, не ущемляет. Так мне раньше казалось, пока я от Полины её историю не услышал.

Непротивление жестокости, злу – вот что в женщине делает женщину. Смирение и любовь – вот то, что она противопоставляет тяжелому кулаку и унижению. От этого она и страдает. Уверен, если бы бог существовал, он непременно был бы женщиной. Всё имеет женское начало. Без женщины невозможна новая жизнь. В глобальном смысле женщина созидает, сохраняет, а мужчина разрушает. Именно поэтому меня и удивляет стремление женщины быть похожей на

мужчину. Если наш мир вконец утратит женственность, он погибнет.

5. Вступил в секту

«...24 июня 2016 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, разместил на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «Вступил в секту», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 282 УК РФ...»

«Отец был всем для меня, – продолжила свой нелегкий рассказ Полина. – И для матери. Она никогда не работала, наверно, поэтому ей было особенно тяжело пережить его уход».

«А что с отцом случилось?» – осторожно спросил я.

«Рак легких. Он заболел как-то внезапно и очень быстро угас. Пытались лечить, но слишком поздно спохватились», – Полина посмотрела на сигарету и, немного посомневавшись, сделать ли ей ещё затяжку, затушила её в остатках кофе.

«Да, – поддержала её решение Ирка, – так лучше».

Полина в ответ только отмахнулась и продолжила:

«Я когда той ночью домой шла, думала повеситься или таблеток наглотаться – благо, что у отца их много всяких было. Но потом увидела мать и поняла, что ещё и моей смерти она точно не вынесет».

Ирка сидела рядом с Полиной и гладила её руку. Я вспомнил про своего отца. Когда он умер, мы с матерью испытали облегчение. Может, и он что-то подобное испытал, когда делал свой последний выдох, не знаю. Я не успел его убить, он умер сам.

«Первые дни после похорон я приходила домой, а там мать во всём тёмном, шторы плотно закрыты, фотография в чёрной рамке на столе, свечка догорает, и такой запах, будто отца похоронить забыли и гроб в соседней комнате остался стоять, – Полина немного помолчала, а затем снова достала сигарету и закурила. – Мать исправно накрывала шикарные столы на девять и на сорок дней, – продолжила она. – Деньги ещё от отца остались. Заранее начинала ездить по рынкам и магазинам, закупать продукты. Потом в гостиной стол накрывала: скатерть, фужеры, вилки с позолотой, которые только по праздникам доставали, салатки, мясо, рыбка всякая, водочка. В обычные дни даже и не готовила – только кофе да шоколадка, а тут как будто торжество какое. Меня аж подбешивало от этого, но я старалась ей не говорить ничего. Быть может, в этих приготовлениях она какое-то успокоение находила».

Мой отец был татарин. И хоронили его по татарским тра-

дициям. Помню, что отца хоронили не в гробу, а на каких-то носилках, обернув плотной тканью. Так и спустили в яму ногами вниз. А потом за столом никто не разговаривал. Молча ели и молились.

«На поминки приходили только родственники и папин приятель, Сергей Михайлович, который всё на мать поглядывал, – продолжала рассказывать Полина. – Я долго в этой компании не могла находиться: они пили водку, ели и начинали под конец даже веселиться, как будто это торжество было какое. Про изнасилование своё я почти забыла, в конце концов, я осталась живой, хоть и внутри меня всё вымерло».

На поминках у отца почти никто не ел и не пил. Всё было скромно: на столах стоял кисель, какие-то печенья, спиртного не было. Мужчины сидели отдельно от женщин, и все молились, сложив руки перед собой так, словно собирали дождевую воду. Его родственники почему-то недолюбливали мою маму. И эта нелюбовь была, кажется, взаимной.

«Я старалась побыстрее ускользнуть из той компании: кисель выпивала и уходила из дома, а они оставались, даже не замечая моего отсутствия, – Полина уже успокоилась, но дым выпускала по-прежнему через напряженные губы. – Однажды я пришла домой раньше обычного и застучала мать с Сергеем Михайловичем, как он из спальни выходил. Я всё поняла, конечно, развернулась и ушла тогда к тетке ночевать. Потом мать стала вечерами куда-то уходить, а взгляд каким-то неродным стал. Я как-то попыталась поговорить с

ней, расспросить её, но она в ответ сказала, что скоро всё изменится, и я узнаю. Я боялась, что она хотела руки на себя наложить. Вскоре действительно всё изменилось: я узнала, что деньги, которые отец мне на квартиру собирал, мать отдала в какую-то секту, куда её этот Сергей Михайлович отвел. Очень много денег. Со всеми родственниками мать разругалась из-за этого. Оказалось, что той сектой даже какой-то доктор наук заправляет. Мать к нему на собрания по вечерам ходила, на сеансы с потусторонним миром, якобы с отцом общаться. За это деньги и платила».

«Бедная Полинка», – пожалела её Ирка.

«Мать высохла вся, как наркоманка стала. Может, их там колют чем-то?» – Полина уже не плакала, а лишь иступленно смотрела в пол.

«Но разве можно всё так на тормоза спускать? Преступление за преступлением! Уроды на свободе ходят...»

Тут я хотел сказать: «А ты сама их покрываешь». Но всё же смягчился и добавил:

«Нельзя это так оставлять. Надо, чтобы о них хотя бы узнали».

«Может, ты на своём канале про эту секту расскажешь?» – неожиданно предложила мне Ирка.

«Да, я как раз об этом сейчас подумал», – ответил я.

Потом взял Полину за плечо и спросил:

«А если я у тебя интервью возьму или что-то в этом духе? Тогда ты сможешь всё от своего лица рассказать. Будет

правдоподобней».

«Меня же все увидят», – испуганно ответила она.

«Хочешь, мы скроем твое лицо?» – спросил я.

Мы тут же организовали, как смогли, съёмочную площадку: лампу, штатив, микрофон и записали Полину на видеокамеру. Она рассказала, что знала о той секте, а также попросила всех, кто будет её смотреть, не попадаться на удочки мошенников.

На следующий день я без труда отыскал в интернете сайт «Откровения нового века». Столько безумных вещей я ещё нигде не читал. Главный сектант, отец Алексей, называл себя посланником бога, а послания строил на якобы научных знаниях. В гнетущей черноте экрана белым свечением сиял его бред: «...Я, Господь Бог, через Избранного Мною человека в России, Моего Помощника, на современном языке передаю информацию...», «...какой трудный и какой восхитительный период жизни вы проживаете, ибо трансмутация Пространства уже отражается в каждой клеточке вашего организма, сотворенного по замыслу ПервоТворца!», «... Я много раз говорил вам о том, что люди созданы не просто по Моему замыслу, а сотворены как Великое Подобие Творца в Плотном плане, неся в себе основы Мироздания!», «...людям никуда не деться от Осознания того, что они – часть Создателя, ибо в эволюционной цепи Есмь их место, и Есмь разрыв в этом эволюционном Пространстве (в этой цепи), и связан он с тем, что люди уже много тысячелетий

так и не смогли создать Единое в Духе человечество, тоже подтверждающее своё Великое Подобие Создателю!»

...Кажется, в какой-то момент меня вырвало.

На центральном месте сайта крупным шрифтом был указан банковский счет, на который можно было отправлять свои пожертвования для улучшения связи с «Творцом», что меня несколько не удивило. Оказалось, что секта имела успех даже в столице. Говорят, к отцу Алексею ездили и модельер Волков, и оперная певица Козловская, которая в юри какого-то шоу на телевидении часто красуется.

В моей голове не укладывалось: как люди ведутся на подобный бред? Ладно, может, некоторые из них институты не кончали, но в школе-то разве им не говорили, как мир устроен? Как можно за явный обман отдавать свои последние деньги, продавать квартиры, влезать в долги? Разве у людей, что ведутся на это, всё в порядке с головой, а? Или, может, у них настолько ослабла вера в собственные силы и надежда на лучшее, что они готовы довериться первому встречному, кто пообещает им исцеление и всё такое? Неужели настолько у народа затуманены мозги, что люди не могут осознать и принять, например, случившийся факт смерти близкого человека? На что надеялась мать бедной Полины? На воскрешение мужа?

А к гадалкам когда бабы бегут, чтоб мужиков приворожить, как это называется? Блядь, если твой мужик пошёл гулять *налево*, посмотри на себя в первую очередь, может, с

тобой что не так? Если вы больше не любите друг друга, то никакая гадалка, никакие молитвы вашу любовь не вернут! Получается, что все эти секты, гадалки, шаманы – целая индустрия по «сравнительно честному отъему денег у населения», как говорил Остап Бендер. И в этом они мало отличаются от церквей: и сюда, и туда приходят с бедами и печальями и несут, несут, несут им свои кровные. А эти мошенники продолжают продавать неразумным людишкам несуществующие услуги!

На «Алиэкспрессе» я выбрал и заказал ручку с видеокамерой и решительно запланировал вступить в эту чертову секту, чтобы попытаться сделать целый репортаж, как там наёбывают людей. Жаль, не успел. Ту секту вскоре всё же запретили, но отца Алексея не тронули, даже дело о мошенничестве не возбудили.

6. Суицид мусульман на ЕГЭ

«...26 июня 2016 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, разместил на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «Суицид мусульман на ЕГЭ», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 148 УК и частью 1 статьи 282 УК...»

Рассуждать о недалекости тех, кто себя называл верующим, и обойтись при этом без нецензурной лексики было просто невозможно. Меня настолько бесило их нежелание мыслить критически, а также агрессия ко всем, кто их веры не разделяет, что я не особо старался подбирать слова. К тому же я был на Ютубе! И за что я его люблю, так это за отсутствие цензуры. Конечно, там не без цензуры вовсе, но на матюги внимания никто не обращает.

А как, собственно, без мата? Разве можно без мата передать своё отношение к тому вранью, что на нас выливают с

экранов телевизоров? Нам уже который год врут про Крым, про Украину. Скоро никто и не вспомнит про «гуманитарные конвои». А вот почему, кстати, «конвой»? Что же в тех белых «Камазах» с военными номерами такое было, что потребовался конвой? Конвоируют обычно зеков и что-то запрещённое. Разве гречка, тушенка и подгузники нуждались в охране? Или, может, *ополченцы* вместо гранат из окопов тушенкой кидались? В самом деле, не оружие же в Донбасс завозили? Ведь войск там наших не было. Неясно только, почему оттуда столько гробов в Россию было вывезено? Попы не успевали всех отпевать. Попы в этом плане молодцы, во всём свою выгоду найдут. Сначала ракеты «благословляют», а потом трупы отпевают, которых этими же ракетами и подорвало.

Мы как в зазеркалье: сами серой жизнью живем, а нам через стекло показывают красивую, яркую, сытую. По *зомбоящику* всё гладко и спокойно: олимпиады, концерты, праздники бесконечные, президент двадцать четыре часа онлайн. А на улицу выглянешь, ужаснешься и снова к телевизору, откуда тебе уже говорят: «Живешь, дурак, и радуйся!» Ты в это зеркало вопросы задаешь, а оттуда – всем довольный гражданин, у которого вопросов нет. Ты плачешь, а из зеркала рожа довольная смеётся. Ты от боли корчишься и сгниваешь на глазах, а там – здоровый, сильный и жизнерадостный бугай. И тебе хочется разобраться, по какую сторону зеркала правда. И ты за него заглядываешь, а за стеклом нет ничего

– только себя, идиота, видишь. И вдруг осознаешь, что всё вокруг ненастоящее. А где тогда настоящее? В чем оно? Вот смотрю иногда на это поганое зеркало и от всей души кричу: «Да идите вы все *на хуй*, к *ёбаной* матери!» – и тут же с экрана всё исчезает, а тебе получше сразу становится. «Ну вот, – думаю, – нашёл противоядие от этой заразы». И остаюсь в серой реальности. С грязью, болезнями и безысходностью.

У нас в России к мату отношение неоднозначное. Он как бы есть, но где-то он под запретом, а где-то его просто не замечают, но бывает, что даже и поощряют. Вот у нас закон есть о русском языке как о государственном. Применяться он должен в СМИ, рекламе, кино и театрах. И по этому закону употребление слов, не соответствующих нормам современного русского языка, а также нецензурных выражений, недопустимо. То есть запрещено. Благо хоть разрешается использовать иностранные слова, у которых нет аналогов в русском языке. Такие вот у нас законы. Поэтому мы в большинстве своём и не знаем иностранных языков. Государство попросту запрещает на них разговаривать. Косвенно так, исподволь тормозит нашу интеграцию в мировое сообщество. Можно с этим спорить или соглашаться, но язык пока что главный инструмент общения.

Кто-то из классиков сказал, что язык, как живой организм, постоянно развивается и меняется. Тем более в наше время, когда в мире каждый день вместе с новыми открытиями появляются новые слова. Вот, например, в голливуд-

ских фильмах направо-налево «факают», и никого это не пугает, фильмы не запрещают. Их *fuck* давно стал неотъемлемой частью современного языка, на котором говорят и простые американцы, и киногерои. Может, поэтому киногерои получают у них настоящие, как в жизни. Раньше в русском языке было много заимствованных слов из французского. Сегодня тренд поменялся, и мы стали употреблять слова из английского, на сегодня самого топового во всём мире. Так что помешать этому законы вряд ли смогут. Обратный процесс, кстати, тоже происходит. Прислушайтесь, и вы услышите русский мат не только от русскоговорящих. Чем богаты, как говорится, тем и поделились: горькой водкой и смачным матом. И, заметьте, эффект один и тот же: накатил или выругался – и сразу на душе хорошо. А если то и другое вместе – получи двойную дозу!

Запрет мата как запрет на показ курения. К примеру, если Сталин курил «Герцеговину Флор», ты его разве с карандашом в зубах сможешь показать? Или Шерлока Холмса, грызущего скрипку? Многие исторические или литературные герои плотно вошли в наше сознание в определенном образе. И нам они интересны целиком, включая свои вредные привычки. Без этих мелочей они могут перестать быть узнаваемыми. Пусть кто-то трубку курит, кто-то матом ругается: дайте нам самим определить, нравится нам это или нет. И уж тем более не нам судить, что вредно для другого. Каждый сам себе вправе выбирать: пить, курить или нет. Да,

где дети – там не кури, а где тебе подобные – пожалуйста, на здоровье. И крой матом при этом всё, если душа требует. Не хочешь пить, заходи на Ютуб: там и тебя матом покроют, да и ты в долгу не останешься. Всё для тебя, лишь бы только не курил.

Я знал, что за мат можно не только по морде, но и штраф получить, но совсем не предполагал, что за него вполне реально угодить за решётку! И не на пятнадцать суток, как за мелкое хулиганство... Такие ограничения не для всех, разумеется. У нас что ни медийная личность, то обязательно хоть раз засветилась с матом. Многие и не скрывают, матерятся. От этого к ним народная любовь только крепнет. Потому как он не холёный с картинки, а настоящий. Вот взять, к примеру, президента нашего, источник неиссякаемых «крылатых» фраз. Прислушаться если, он, бывает, в конце фразы, как бы проглатывая, запросто может добавить: «...ля». Его, кстати, на прямой линии как-то спросили: «Вы ругаетесь матом?» – «Бывает», – ответил. И добавил: «В России есть такой грех. Отмолим». Мне кажется, что если он когда-нибудь Меркель блядью назовет, то все просто взорвутся аплодисментами!

Вот лично меня оскорбить матом невозможно. Если меня пошлют матом, то в первую очередь оскорбят себя, а не меня. Это же с их языка говно полетит, им и отмываться. По отношению к себе я мат просто не замечаю. Так же рассуждаю, когда сам кого-то матом крою. Мат, он как сопли, выругался – словно сплюнул, и сразу дышится легко.

Но ругательства надо различать на те, что адресные, когда цель – оскорбить, унижить, и те, что, как говорится, для связки слов или для придания словам красок и эмоций. А эмоции разные. Какие будут переполнять эмоции, если по отношению к тебе несправедливо поступят? Вот то-то же! А когда такая несправедливость становится нормой? В моём родном Шадринске есть скульптура, посвященная революционерам 1905 года. Скульптор у нас жил Иван Иванов, он потом фамилию свою на Шадр изменил по названию родного города. Скульптура его называется «Булыжник – оружие пролетариата». В советские времена ещё такая крылатая фраза была. Нынче времена у нас не такие суровые, чтобы свои свободы с булыжником отстаивать, поэтому пока вместо булыжника наше оружие – мат.

7. Идеальный православный брак?

«...30 июня 2016 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, разместил на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «Идеальный православный брак?», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 282 УК РФ и частью 1 статьи 148 УК РФ...»

Конец июня выдался жарким, и уже хотелось залечь где-нибудь на пляже. Так себе я и представлял, что лежу на пляже, загораю, трусы только на ветру парусятся, а тут вдруг сзади ко мне подбегают разъярённые, оскорблённые мусульманки с христианками, зажимают голову между ног, руки за спину, трусы прочь – и всё! Больше не девственник я. Шутки шутками, но я реально стал опасаться, что меня вычислят какие-нибудь радикалы и набьют физиономию. На улицах я стал чаще оглядываться, высматривая чёрную «Приору».

Канал тем временем набирал обороты, с рекламой всё

шло как нельзя лучше. Плюс к тому я даже попытался издавать тематический журнал. Популярность, одним словом, грела душу, не скрою.

«Я знаю, чего тебе не хватает в твоих роликах, – сказала Ирка с порога, снимая розовые солнцезащитные очки *Ray Ban*, – больших сисек и красивых женских ног!»

Сказать, что я был чертовски рад её приходу, значит, ничего не сказать. Она ворвалась в мою квартиру, как шаровая молния, по пути мгновенно оценивая обстановку, прошла на кухню, глотнула из бутылки минералку, заглянула в ванную и, довольная, вернулась ко мне. На ней было легкое шелковое нежно-розовое короткое платье, часы *Maurice Lacroix* на тонком ремешке и босоножки. Прикид у неё был всегда что надо. Кто были её родители, она не рассказывала, и меня это особенно не волновало. Мне достаточно было общения с ней самой, такой, какая она есть, без груза родительских денег и положения.

«Ладно, а где мы возьмем большие сиськи?» – я был по уши доволен её приходом и решил поддержать заданную тему.

Иркины груди запросто помещались в мои ладони. Неоднократно я уже позволял себе в этом убедиться. Она стояла передо мной, а её соски выпирали из-под тонкой материи, заставляя меня дышать прерывистой. Я провел рукой по спадающим на щеки светлым локонам, большим пальцем расправил на вспухших губах естественные морщинки, за-

глянул в озорные прищуренные глаза и утонул в бесконечном поцелуе. Не помню, как мы оказались на диване. Мои губы скользили по её шее, плечам. Вот они уже покусывали то один сосок, то другой. Платье медленно съезжало на бёдра, оставляя за собой вздыбленные волоски на молодой нежной коже. Спустя полчаса мы молча лежали, уставившись в серый потолок. Я продолжал ощущать на своих губах вкус её разгоряченных бедер. Наши тела вспотели, кондиционера не было, и следовало бы добраться до душа. Чувствуя, что начинаю засыпать, я нехотя пошёл ополоснуться первым.

Мы сидели за маленьким кухонным столом и ели мороженое, которое Ирка принесла и предусмотрительно закинула в холодильник. Вдруг она вспомнила:

«Ну так как насчет красивых ног?»

«Я не против, – ответил, – но от моих могут разбежаться подписчики».

«Тогда бери телефон», – она прошла к дивану, легла и закинула ноги на спинку.

Шелк соскользнул и полностью оголил её молодые стройные длинные ноги. Она позировала, меняя положение ног, а я всё сбивался и не мог попасть на кнопку, чтобы сделать хоть один снимок. Это были потрясающие минуты: я любовался ею, она соблазняла меня – мы оба раздували огонь, которому угаснуть уже было не суждено. Сделав наконец несколько фотографий, я не смог выдержать мучений и оказался рядом с ней...

С того дня то фотографии, то секундные видеовставки Иркиных прелестных ножек стали украшать мои видеоролики, собирая всё больше и больше подписчиков. Я и представить себе не мог, что их будет столько! Придумывал разные темы, экспериментировал, но всё-таки главной оставалась тема конфликта религии и атеизма. Нет, я не замахивался на серьёзные размышления и анализы, моей целью было зародить сомнение. А дальше, как говорится, пусть каждый сам для себя решает, верить ему или нет, и если верить, то во что.

Для меня между христианской церковью, мусульманской мечетью или еврейской синагогой разницы никакой нет. Разница лишь в форме, размерах и внутреннем убранстве помещений, а также в количестве денег, вытягиваемых у прихожан. Я ничего не имею против храмов как таковых. Во-первых, они могут иметь культурную и историческую ценность. Во-вторых, или, во-первых, это место, где верующие вроде как общаются со своим богом. Если оставить за скобками тот факт, что я не верю в такое общение, можно считать, что общение одностороннее. Пусть так. По крайней мере, некоторым туда приходиться нравится, там они находят единомышленников, единоверцев – такой вот клуб по интересам. В чем-то это даже сравнимо с подписчиками на моём канале.

Возмущение моё от другого. Церковь по нашей Конституции отделена от государства. И было бы странным, если бы было предусмотрено обратное, учитывая, что страна на-

ша многонациональная и многоконфессиональная. Вот какого хрена, например, предмет «Основы религиозных культур» включён в школьную программу в качестве обязательного? С чего вдруг ребенок эту хрень должен изучать? Разве изучения истории недостаточно? Отдельно же разбираться в тонкостях замшелых постулатов, уверен, никому не интересно.

И ведь не зря же они со школы начали. Ясное дело, что после падения Союза, когда культ *нового* бога, Ленина, перестал быть почитаем даже коммунистами, нужно было чем-то объединить обнищавшее народонаселение. В какой-то момент божественным стало бабло. Чем у тебя его больше, тем ты ближе к небожителям. Но денег на всех не хватало, пришлось вспомнить про *прежнего бога*, которого столетие назад старательно захоронили. Его достали, отряхнули, храмы восстанавливать стали, новые строить, чтобы в каждом районе свой был.

Но тут и начались лицемерие и сопутствующая ему пошлость. Бывшие коммунисты и комсомольцы, партбилеты свои спрятавшие на память, стали пачками креститься, да так, что попов на всех хватать не стало. Спрос родил предложение. В семинарию нынче не попасть: конкурс как в приличный университет. А почему и нет? Во-первых, от армии закосишь, а во-вторых, на всю оставшуюся жизнь обеспечишь себя гарантированным высокооплачиваемым рабочим местом и могилкой на ухоженном прицерковном участке по-

сле смерти. Мода на веру пришла. Современный человек за модными тенденциями ведь следит: шмотки, прически, часики, крестики. Вот нацепил он крест, а всё равно какой-то внутренний стыд остался. Посмотрите на прихожан в церквях: кто боится ошибиться, в какую сторону рукой махать, кто головой кивнет, будто даму на танец приглашает, другой, напротив, согнется и застынет, будто радикулит прихватил. Есть, конечно, и те, что руками машут, словно мельницы, а кланяются так показушно, что аж головой пол задевают.

У мусульман та же песня, кто бы что ни говорил. Ты только попробуй на Кавказе назваться атеистом – сразу станешь белой вороной. Ненадолго. Ведь там это ещё и на страхе основано. Страхе быть порицаемым старшим поколением, большинством. Страхе быть наказанным, порой даже физически. И такой страх не на пустом месте возник. Ислам довольно молодая религия по сравнению с христианством. И, как любой идеологии, ему надо продвигать свои идеи в массы. А история неумолима: всегда насаждение новой религии сопровождалось сопротивлением и, соответственно, насилием над несогласными. Вероятно, поэтому мусульман считают агрессивными, навязывающими свои правила поведения и морали. А что там в Коране записано, к чему в нём призывают – то не имеет значения. Но это, как говорится, совсем другая история, в Библии тоже не всё так записано, как её пытаются прочитать и интерпретировать.

И вот, за какой-то десяток лет вера в бога превратилась

в тренд. Ведь спустя лет двадцать после победы социализма бога только всуе вспоминали, по привычке. Новое поколение уже верило новому богу. А тут обратный процесс надо было запустить. Запустили, но через жопу, как обычно. Церкви стали расти как грибы. В магазинах рядом с каждой кассой непременно копилочка для пожертвований на храм. Бывшие бандиты, а ныне депутаты и бизнесмены для отмаливания грехов тоже стали проявлять щедрость. Своего рода соревнование – чья церковь дороже и у какой куполов больше. И, как водится, хорошим тоном стало на любые мероприятия попов звать. А поводов хоть отбавляй: дом освятить, машину новую, завод, самолет, ракету. На космодроме так вообще штатный поп. Или отпеть, например, в мир иной проводить, тоже без попа никак. А попы на всём этом неплохо зарабатывают, само собой. Бесплатно никто не работает, тем более если с выездом. Чем не бизнес?

В церковь когда заходишь, на что натыкаешься в первую очередь? Правильно, на магазин. «Освященные» книжки, крестики, иконки, свечи – мимо не пройти. Понаблюдайте, как местные церковные работницы свечи ходят собирают, что прогореть не успевают. Не успеешь отвернуться, как её уже свечница с ведром спёрла и воск начисто подскребла – всё пойдёт на производство новых. Вот тебе, кстати, пример бережного отношения к отходам. Каждый попёнок, приходя в семинарию, мечтает построить себе свечной заводик. Как о таком можно не мечтать, когда доходы налогами не облага-

ются, когда со стороны государства только поддержка и опора, когда кругом почёт и уважение? И уже никто не обращает внимание на то, что церковь превратилась в торгово-развлекательный центр. А что? Тут тебе и торговля, и шоу в лучших традициях этого жанра: во-первых, на регулярной основе, во-вторых, с песнями, декорациями и переодеванием. Но самая главная фишка в таких шоу – эксклюзив: только церковь обещает *вечную жизнь!*

При царе церковь была сильной, и её боялись. Потом боялись любой связи с церковью, да так, что бабки опасались просто зайти свечку поставить. Колесо истории кружится (крутится) – всё возвращается. Но страх, как мне видится, перед ней остался. Стоишь вот ты на пороге такой церкви, а зайти не решаешься. Нет, не боишься её порог переступить, а страшно церковь к себе запустить.

8. Патриарх Кирилл, ты п...

«...11 августа 2016 года Соколов Р. Г. умышленно, с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершил публичные действия, разместил в свободном доступе для неограниченного круга лиц на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «Патриарх Кирилл, ты п...», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 282 УК РФ и частью 1 статьи 148 УК РФ...»

Был у меня в Шадринске сосед. Звали его Серёга. Он был старше меня лет на десять, но мы иногда общались. Он как меня ни встречал, всегда приглашал к себе «попить пивка». Я не пил, но любил послушать его байки. Работал он в городской администрации и через какое-то время ушёл на повышение. По своим же рассказам, был он ещё тот бабник, но при этом глубоко верил в бога, постоянно ходил в местную церковь и дружил с попом. Однажды он рассказал мне свою

историю.

«Поехал я, значит, в Москву на учебу по муниципальной линии, – начал он, закуривая. – Неделю учился, а в пятницу, когда всё закончилось, мы с товарищами забухали немного».

«Ну, это нормально», – поддержал я.

«Да, – делая затяжку, задумчиво произнес он. – На следующий день, в субботу, я очнулся в своём номере в гостинице: голова трещит, во рту пионеры насрали, а похмелиться нечем. Я по карманам, а там пусто. Короче, бабки я все пропил начисто».

Я сижу, припух, пытаюсь представить себя в подобной ситуации.

«Выхожу я, значит, на балкон. Морозит, помню. Чего дальше делать, не знаю. Телефон потерял. Друзей в Москве нет. Те, с кем пил, не знаю, где их искать. Хоть вниз с балкона ныряй! И так рыло свое задрал к небу и прошу: *«Господи Иисусе, помоги хоть на обратную дорогу денег найти!»*

Он опять затянулся. Потом перекрестился три раза и продолжил:

«И что ты думаешь? Смотрю я на небо, а мне прямо оттуда несколько купюр летит!»

Я, понятное дело, не очень-то поверил в такое. Даже скривился.

«Да я тоже не поверил своим глазам! – ответил он мне, глядя на мою недоверчивую физиономию. – Кажется, кто-то на верхнем этаже брюки свои тряс от пыли, а деньги просто

в кармане лежали. Я давай купюры ловить – чуть с балкона не вывалился. Поймал ровно столько, сколько хватило на обратный билет, пиво и доширак».

Он опять сделал глубокую затяжку. История уже не казалась неправдоподобной, и я даже поверил в то, что такое могло случиться даже со мной.

«Я в тот же день ещё в какой-то храм заскочил – помолился как мог и свечку поставил. А когда домой вернулся, то сразу покрестился. Бог-то есть, Руслан, это я точно знаю. По себе!»

Серёга жил один, иногда в его квартире случались попойки с довольно взрослыми женщинами. Он звал и меня принять в них участие, но я отказывался. Как в Серёге сочетались его набожность и безбожная распущенность, даже не представляю, но человеком он был хорошим. Веселым. Жаль только, что больше не виделись с ним после того, как он покинул наш забытый богом городок.

Ещё со школы я вел бурную общественную жизнь: участвовал в олимпиадах, школьных КВН, был даже замечен в каких-то околополитических сообществах. Шадринск – город небольшой, но и там я находил для себя занятие *языком потрясти*. Не забывал и читать, любил историю и не пропускал новости. Помню, я уже школу кончил, когда в Москве в храме Христа Спасителя отвязные бабенки из панк-группы *Pussy Riot* устроили балаган. Об этом много говорили, но меня поразил тот факт, что участниц арестовали и потом даже

дали реальные сроки. Вначале, признаюсь, эта новость привлекла моё внимание только по той причине, что ранее Pussy Riot уже устраивали свои необычные акции протеста с раздеванием. Ну есть у баб такая форма выражения несогласия – чуть что, сразу раздеваться. Но в тот раз сисек в храме не было, зато резонанс был ещё какой!

Незадолго до этого события произошло ещё одно, но гораздо более важное. Была изменена Конституция: срок президентства с четырех лет был увеличен до шести. Этому, само собой, нашли объяснение, подвели обоснования и тому подобное. Всё было сделано, чтобы Путин вновь был избран президентом и больше не нуждался в перевыборах так часто. Все это знали, понимали и молчали. Молчали, потому что в целом жилось неплохо. Год был 2011-й. И даже когда в Москве после грубых фальсификаций на выборах вышли десятки тысяч несогласных с *белыми ленточками*, нам в глубинке требования митингующих понятны не были. Выглядело это забавной историей о том, как заплывший жиром офисный планктон решил от скуки совершить революцию. Как ни крути, а даже на восстание декабристов со стороны никак не тянуло. С иронией только вспоминались восстания *жёлтых* и *красных повязок* в Китае. В действительности же смешного было в том мало. С тех времен у нормальных людей начались разочарования, хотя граждане наши в основной своей массе терпимы и убежденные утописты, поэтому оставаться в надежде на лучшее и не предпринимать для этого ниче-

го – их естественное великомученическое состояние души. Стало попахивать *самодержавием*. И в его поддержку отовсюду неизбежно стало наступать православие вперемешку с народностью.

Несомненно, этому способствовал союз Русской православной церкви и Кремля. За месяц до выборов Путин встретился с Патриархом, который в лучших традициях церковного преклонения перед властью спел хвалебен: *«Я хотел бы сердечно Вас поблагодарить... за Ваш вклад в развитие церковно-государственных отношений... Если мы чем-то можем по-настоящему, как народ, гордиться, то тем чудом, которое произошло за последние 10–12 лет... Вы сегодня с одной стороны премьер-министр, с другой стороны – кандидат в президенты. И мне бы хотелось с Вами поговорить о будущем... Совершенно очевидно, что при тех достижениях, которые имеют место, есть что-то и в жизни религиозных организаций, да и в жизни народа (и это совершенно очевидно), что требует некоего внимания власти, а может быть, коррекции курса...»* И будущий президент дал четко понять, что дружба будет только крепчать: *«...за годы до того момента, как начался подъём..., ущерб нашим религиозным организациям был нанесен такой мощный со стороны государства, что, пожалуй, да не пожалуй, а точно совершенно, государство ещё в долгу перед Церковью...»* Вот и договорились. И потекли в РПЦ миллионы из бюджета, недвижимость, полное освобождение от налогов и государствен-

ная поддержка. И даже скандалы вокруг Патриарха не помешали церкви сблизиться и слиться с властью. Кирилл беззащитно агитировал за Путина, ведь православные – солидный электорат, убеждал воздерживаться от митингов и протестов: *«Православные люди не умеют выходить на демонстрации, они стоят к поясу Пресвятой Богородицы... Эти люди не выходят на демонстрации, их голосов не слышно, они молятся в тиши своих монастырей, в кельях, в домах»*. А как же? Долги надо было отдавать.

Лишившись свободы выбирать и быть избранным в реальной жизни, мы всё же оставались относительно свободными в виртуальной жизни. Любые скандальные выступления тут же попадали в сеть. Я просмотрел несколько записей в ХХС, заснятых с разных сторон: ну вышли они в ярких колготках и разноцветных балаклавах, ну попрыгали у иконостаса – и что? Уверен, что никто и не расслышал, чего они пели. Это я уже на их страничке отыскал: *«Богородица Дево, Путина прогони!»*

Ужаснул же меня тогда тот факт, что девочек приговорили к реальным срокам. Особенно было жалко ту, у которой ребенок был маленький. Это её от тюрьмы не спасло. Из всех телевизоров попы, знаменитости и политики в голос шипели, что безбожниц надо сжечь на костре. Тогда ещё статьи об оскорблении чувств верующих не было, поэтому судили за хулиганство.

Что такое хулиганство? «Грубое нарушение обществен-

ного порядка, выражающее явное неуважение к обществу». Странная, расплывчатая формулировка, которая может быть применена к чему угодно. Вот, например, если футбольный болельщик в баре очень громко станет рассуждать о кривых ногах и нетрадиционной сексуальной ориентации игрока своей любимой команды, нарушив тем самым идиллию, сложившуюся за просмотром матча, тем самым выразив явное неуважение к тем болельщикам, что имеют кривые ноги и особый взгляд на мужскую дружбу, можно ли будет его обвинить в хулиганстве? Между тем оказалось, что от песнопения Pussy Riot морально «пострадали» два охранника, свечница храма и один прихожанин. Церковь настаивала, что это было не хулиганство, а покушение на неприкосновенность чувств верующих. Нужно было не только усмирить дерзких потаскушек, но и отбить у остальных охоту покушаться на «святое». А статью за хулиганство решили *впаять*, потому что при его совершении группой лиц санкция до семи лет лишения свободы, а за возбуждение ненависти либо вражды по статье 282-й тогда было только до двух лет.

Чтобы исправить этот недостаток, Дума тут же внесла поправки в Уголовный кодекс и ужесточила ответственность за преступления против церкви. Например, если раньше по 148-й статье наказать могли за препятствие деятельности церкви (ну, не знаю, например, свечи у икон задуть, у попа кадило отобрать), то по новому закону преследовать стали и за оскорбление чувств. Причем, если за «воспрепятствова-

ние» ответственность осталась прежней – штраф или арест до трех месяцев, то за «оскорбление» – аж до трех лет лишения свободы!

Тот закон так и назвали *законом Pussy Riot*.

9. Ловим покемонов в храме

«...До 18 августа 2016 года Соколов, находясь в помещении «Храм Всех святых, в земле Российской просиявших» города N, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, с целью возбуждения ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе записал видеоизображение, в котором использовал развлекательное приложение Rocketon Go, установленное на личном мобильном телефоне Apple iPhone, после чего, находясь на территории города N, изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, и 18 августа разместил видеоизображение под названием «Ловим покемонов в церкви» на своей странице пользователя «Соколов» в социальной сети ВКонтакте и YouTube в сети Интернет, то есть совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 282 УК РФ и частью 1 статьи 148 УК РФ...»

С утра до вечера мы с Иркочкой проводили время на диване, который от нашей акробатики стал помаленьку сдавать и поскрипывать в такт энергичным движениям. Но иногда выползали и на улицу, как правило, чего-нибудь перекусить

и выпить по чашечке кофе. Излюбленным местом, конечно, была кофейня напротив храма. Мы её называли «наша кофейня». «Нашими» становились разные места, в которых мы бывали вместе и которые нам обоим нравились. «Наша» скамейка в парке. «Наши» кресла в кинотеатре. Даже продавщица в мини-маркете была у нас «своя»: однажды мы что-то покупали и от души с ней поржали, с тех пор помимо дежурного «здрасьте» о чем-нибудь болтали мимоходом.

Однажды в кофейне мимо нас провальсировал странный тип с синими волосами. Паренек ловил покемонов в новую суперпопулярную игру *Pokemon Go*. С этой игрой прямо какая-то истерия по всему миру происходила. Играли в неё все и везде! СМИ пестрели заголовками: «*В Канаде женщина обстреляла людей, искавших покемонов вокруг её дома*», «*В погоне за покемонами два подростка пересекли госграницу США и Канады*», «*Во Франции таксист врезался в стену, охотясь на покемонов*», «*В Японии из-за ловли покемонов усилят меры безопасности на АЭС*», «*Мусульманское духовенство призвало не ходить за покемонами в мечети*», «*Игумен монастыря предупредил охотников на покемонов о подстерегающих опасностях*»... Приближались очередные выборы в Госдуму, и «Россия-24» предупредила в новостях, что можно загреметь в тюрьму «за ловлю покемонов на избирательном участке», и добавила: «А также в церкви». Представить, что такое было возможным, я не мог. Как же я сильно тогда недооценивал изощренное воображение нашей су-

дебно-исполнительной системы.

«У меня есть идея, – допивая кофе и швыряя через трубочку остатки молочной пены, сказал я Ирке. – Если они у нас забрали право выбора, то лишить нас права валять дурака они не могут! Я докажу этим мракобесам, что ловить покемонов можно везде!»

«Ты чего выдумал?» – с тревогой посмотрела на меня Ирка.

«Хочу поймать главного покемона!» – торжественно ответил я.

«Ты бредишь?! Ведь такие выходки они не простят!»

По небу ползли серые облака, не давая солнцу и шанса пробиться через плотную вату. Через окно кофейни было видно, как над городом возвышались купола Храма на Крови. Облака скользили по их золотым выпуклостям, отчего те казались ещё толще и гуще.

«Ты снимешь меня на свой айфон?» – спросил я Ирку.

«У меня плохие предчувствия», – не сдавалась она.

«Молча, без шума поймаю парочку и всё», – меня уже было не остановить.

«Тогда обещай, что не будешь петь Богородице, чтоб она Путина прогнала!» – улыбнувшись, недоверчиво, но настойчиво сказала Ирка.

«Так и будет!» – то ли пообещал, что песен не будет, то ли принял на себя обязательство спеть. Затем я через вай-фай быстро скачал на телефон приложение, и минут через

двадцать мы были на подходе к храму.

«На Крови» храм был назван потому, что на том месте была расстреляна семья царя Николая II. Тогда, сто лет назад, здесь был дом какого-то инженера. В советское время, чтобы навсегда стереть из памяти те события, дом снесли. А храм построили уже в начале нулевых, когда усиленно стали раскручивать образ царя. В Питере тоже такой храм есть, «Спас на Крови», но тот – на месте убийства Александра II. Там я ещё покемонов не ловил. Не знаю, но говорят, что питерский намного красивее нашего.

Я против насилия в любом виде. Тем более против убийств. Большевики, несомненно, полные отморозки и уроды, что расстреляли Николая и его семью. Особенно детей жалко. Но я и против обожествления царя лишь только по той причине, что он стал жертвой. Да, убили. Да, поступили жестоко. Надо было его судить. Думаю, большевикам очень был нужен такой суд, чтобы новая власть смогла предъявить обвинения царю за гибель сотен, тысяч, миллионов людей. Да вот хотя бы за события 1905 года.

Нам сейчас очень настойчиво рассказывают о событиях «Кровавого воскресенья», что, мол, виноват был поп-подстрекатель, вражеский шпион, который спровоцировал незаконное шествие рабочих к Зимнему. Может, оно так и было, может, и портреты императора с иконами народ не со своих стен снимал, а получил от организаторов несогласованной акции протеста, и поп тот наверняка на зарплате у немецкого

кайзера сидел... Выдумать можно сейчас что угодно. Но разве всё это имеет значение для определения вины императора за расстрел мирного шествия? Ведь там шли не только измотанные тяжелым трудом рабочие. С ними были их уставшие жены и голодные дети! За что, блядь, их расстреляли?! Минимум двести человек! И в два раза больше покалечили! По этим, кстати, статистики вообще никакой. Кто их лечил-то потом, а? Сдохли наверняка. А мы теперь по царю панихиды поем. А о тех детках, бабах и мужиках хоть раз кто-то вспомнил? Хоть по кому свечку поставили? А может, храм какой где отстроили в память о них?

Когда РПЦ в 2000-м канонизировала царя, то сделала интересное заключение на предмет его вины в тех событиях: *«...В течение всего 9 января 1905 года Государь, находящийся в Царском Селе, а не в Санкт-Петербурге, не принял ни одного решения, которое бы определяло действия властей в столице по подавлению массовых противоправительственных выступлений рабочих, а отнюдь не мирной демонстрации. При этом непосредственный приказ войскам об открытии огня был отдан командующим Петербургским военным округом великим князем Владимиром Александровичем. Несмотря на глубокое переживание самим Государем своей ответственности за действия властей в Санкт-Петербурге в январские дни 1905 года, исторические данные не позволяют обнаружить в его действиях злой воли, обращенной против народа и воплощенной в конкретных греховных*

решениях и поступках».

Ну да, в чем его вина, если его даже в городе не было? Вонючие бородачи в рясах, видимо, нас за полных идиотов держат? Конечно, столетие спустя можно нафантазировать и предположить, что и связи-то никакой не было с Царским Селом, и расстояние в двадцать пять километров было возможно тогда преодолеть не меньше чем за три дня. Только, видимо, забыли попы, что между Петербургом и Царским Селом к тому времени уже как 80 лет ходили поезда и уже как 20 лет стабильно работала телефонная связь! Поэтому утверждать, что Николай *не знал* о расстреле рабочих – наглое вранье! Он не просто знал, но и дал свое согласие. Да, письменно, возможно, не давал. Может, и в телефонную трубку просто промычал, но его дьявольское мычание было истолковано верно. А если и не дал согласия, то уж точно не попытался помешать чудовищному произволу. Спрятался. Лег на дно!

Может, то, что произошло двенадцать лет спустя уже с самим царем и его семьей, было возмездием? Торжеством справедливости? «Око за око», – так, кажется, в Библии говорится?

10. В тюрьме за ловлю покемонов?

«...19 августа 2016 года Соколов Р. Г. с целью пропаганды информации, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, разместил на своих страницах пользователя «Соколов» в социальных сетях ВКонтакте и YouTube в сети Интернет видеозображение под названием «В тюрьме за ловлю покемонов?», которое самостоятельно изготовил, используя техническое устройство с функцией аудиовидеозаписи, то есть совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 282 УК РФ и частью 1 статьи 148 УК РФ...»

Все православные храмы почему-то построены так, что, когда в них заходишь, нехотя подкашиваются коленки. Задираешь голову к своду, а там росписи со странными изображениями людей на иконах, вокруг богатое убранство, позолота, величественность. И от этой громоздкости и мнимой напыщенности почему-то становится одиноко. Мне могут возразить, что человек приходит в храм пообщаться с богом, поэтому такое состояние вполне объяснимо. Но, как я понимаю, любое общение наедине – процесс интимный. Для такого общения и обстановка нужна соответствующая. Более

уютная, что ли. А тут за тобой из-за свечей и крестов со стен наблюдают десятки глаз. Да не просто смотрят, а как бы вопрошают: «С чем пожаловал? Свечку при входе купил? Чего стоишь глаза пялишь – согнись смиренно!»

Наш поход в Храм на Крови, откровенно говоря, мне показался немного унылым. Шуметь или мешать кому-то молиться я не собирался, да и акций самосожжения устраивать там не планировал. Внимание к себе я тоже старался не привлекать, поскольку процесс поимки покемонов требовал от меня некоторой сосредоточенности. Ирка ходила за мной и старательно снимала меня на видео. Я на свой телефон ловил покемонов, а Ирка ловила меня на свой. Народу было немного, службу никто не вел. Я поймал парочку покемонов и на этом свою миссию посчитал выполненной. В храме мы молчали и продолжали молчать ещё минут пять после того, как покинули его своды.

«Слышал, что в Питере один студент поймал покемона в синагоге. Евреи ему за это бутылку кошерного вина вручили», – прервал я молчание.

«Ты не боишься, что нас самих поймают?» – очень серьёзно спросила меня Ирка, как бы не услышав, о чем я только что сказал. Она остановилась, взяла меня за рукав, потом долго, пристально смотрела в глаза. Взгляд её бегал по моему лицу, она заметно волновалась и переживала.

«Но мы же не сделали ничего противозаконного! Походили с телефонами и всё! А о тебе вообще ни одна живая ду-

ша не узнает, если только, конечно, кто-нибудь с иконы не расскажет».

«У меня один знакомый есть, он в какой-то группе состоит, вроде *киберпатруль* – что-то наподобие блюстителей порядка в интернете», – сказала Ирка озадаченно.

«Знаю я про этих блюстителей порядка! Они мне все комментарии засрали!» – ответил я.

«Ты ведь понимаешь, что это не просто *боты* какие-то. Они специально находят таких, как ты, собирают доказательства, а потом бац – и уголовное дело! Сам понимаешь, на кого они работают».

«А ты знаешь, откуда у этого *патруля* ноги растут?» – спросил я Ирку в ответ.

«Не знаю, не спрашивала», – пожалала она плечами.

«Слышала про группы смерти в ВКонтakte?»

«Типа «*Море китов*» и «*f57*»? – отозвалась она.

«Да, точно! Я помню ещё «*Разбуди меня в 4.20*», – подтвердил я.

«Страшные глупости про смерть, про бесполезность жизни и тайный смысл ухода из неё, – Ирка заметно погрузтела. – Блин, я столько всяких историй об этом слышала, аж жуть!»

Она остановилась и приникала ко мне, чтоб я обнял её. Ирка стояла, положив голову мне на грудь, и рассказывала:

«Знаешь, совсем недавно мама рассказывала, что у женщины одной на работе дочка сиганула с крыши. Та ей звонит,

спрашивает: «*Доченька, ты где?*», а ей в ответ: «*Это не доченька, это врач «скорой». Ваш ребенок мертв*». Представляешь, как с этим дальше жить?»

Мы стояли посреди улицы, я крепко сжимал её в объятиях, будто это она собиралась кинуться с крыши, а я вовремя успел остановить её. Память вдруг очень четко нарисовала серое волнистое покрытие крыши старой хрущёвки.

Все эти группы смерти очень похожи на секты. Их объединяет то, что и там, и там в красках рассказывают о продолжении жизни после смерти. Правильно, зачем бояться суицида, если уверен, что *там* тебя ждет лучшая жизнь? И разве не о том же нам говорят в церкви с той лишь поправкой, что самоубийцы не попадают в рай? Киберпатруль этот планировался для выявления таких групп смерти. Они выявляли или внедрялись в группу, сообщали полицейским, а те через Роскомнадзор банили суицидников. Только проблемочка вышла: одну группу банят, а на её месте регистрируются три! Как головы у Змея Горыныча. Поэтому этот патруль очень быстро переквалифицировался и стал сдавать полиции тех, кто всякие неоднозначные мемы и картинки публикует в ВКонтакте: аниме-иконки, иконки с Джоном Сноу вместо Иисуса, например, картинки со свастикой и ещё всякую хрень. Слышал, что даже одного пенсионера подтянули за то, что он на своей страничке фото с парада Победы 1945 года выложил, где советские солдаты несут сжигать фашистские флаги.

Короче, всё это начинало походить на какой-то бред сумасшедшего. Я, конечно, понимал, что мог стать мишенью для блюстителей *нового* порядка, но всё равно это совсем не вязалось со здравым смыслом. В стране, которая в космос корабли запускает, где больше половины населения уже не могут прожить без интернета, я вдруг оскорбил чьи-то чувства. И чем – тем, что поймал в церкви мультяшного монстра? Да что это за чувства такие, которые можно оскорбить? Человека – да, можно наверно. Но разве возможно оскорбить чувства?

А если можно оскорбить чувства верующего, то можно оскорбить и чувства неверующего? Так? Вот я, например, убежденный атеист. И меня оскорбляет сама мысль о том, что я могу быть наказан за свои убеждения. Оскорбляют меня бесчисленные церковные праздники, вот, например, Рождество так и вовсе государственным считается! Оскорбляет и то, что разные церковные песнопения, молитвы, проповеди показывают в прямом эфире по центральным каналам. Оскорбляют меня и тысячи церквей, которые растут как грибы, в то время как денег на строительство детских садов, школ и больниц не могут найти. Попы в своих чёрных рясах оскорбляют, будто у страны вечный траур. Я, как атеист, возмущен, что они, попы, уже и в школах, и в институтах, и даже в армии, не говоря уже о том, что ни одно собрание в Кремле не проходит без них. Почему вместо попов не позвать заслуженных или лучше молодых учёных? Почему им

денег не дать на науку, на строительство новых институтов, на новые компьютеры, на зарплату достойную, чтоб они за границу не сбежали? Если бы столько научных институтов и всяких лабораторий строилось в России, сколько строится церквей, мы давно бы обогнали и Америку, и Китай. Оскорбляет меня до глубины души, что в стране, самой богатой ресурсами и полезными ископаемыми, более двадцати миллионов человек находится за чертой бедности! Вдуматься только: почти столько, сколько погибло в войну! Оскорблен я и тем, например, что мой родной Шадринск с его трехсотпятидесятилетней историей за последние двадцать лет ежегодно навсегда покидают тысячи человек. Быть может, это происходит оттого, что все те, кто уехал, оскорблены отсутствием в их домах туалетов с центральной канализацией? Или тем, что к их домам дороги забыли проложить? Разве они и ещё сто тридцать миллионов, живущих за МКАДом, не оскорблены тем, сколько денег Москва тратит на тротуарную плитку и асфальтирование своих улиц? Разве не оскорбительным для моей матери является размер её пенсии по инвалидности в пять тысяч рублей, и это после того, как она, медработник, всю свою жизнь спасала и лечила других людей? Вдуматься только: пять тысяч, притом что от квартплаты в те же пять тысяч её никто не освободил! Я так скажу: мои чувства неверующего, не верующего не только в бога, но и в закон, в правосудие, в депутатов, в чиновников, в президента, чрезвычайно сильно оскорблены на фоне дорогих машин, яхт,

личных самолетов священников и триллионов долларов, которые государство тратит на них.

Может быть, я и рад был бы поверить в бога, только поводов для этого не было. Ведь, судя по тому, как живут попы, бог только на них обращает внимание, только им благоволит, а я рясу надевать не собирался. Неудивительно, почему попы так рьяно охраняют свои чувства от оскорбления. Ещё бы! Лиши их привилегий, доходов, власти, что тогда останется от их веры? Такие чувства должны быть неприкасаемы. Как и чувства ранимых на оскорбления чиновников.

11. Дошёл до ручки

«...В период времени с 3 марта 2016 года по 2 сентября 2016 года Соколов Р. Г., находясь в неустановленном следствием месте, при неустановленных обстоятельствах, не имея лицензии, т. е. незаконно, приобрел устройство, смонтированное в корпусе шариковой авторучки, являющееся специальным техническим средством, предназначенным для негласного получения информации, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 138.1 УК РФ...»

На следующий день после своего ролика про покемонов я вдруг стал звездой «телевизора». Про меня где только не писали и не показывали. Пиком популярности можно было считать пятиминутные сюжеты на «России 24» и «РенТВ». Последние особенно порадовали: взяли интервью у какого-то экстрасенсорного психологоанатома, и тот сходу мне диагноз поставил. Ну как было не порадоваться всеобщему интересу к моей персоне?

Не забыли про меня и земляки, одним из первых «откликнулся» пресс-секретарь областного ГУВД: *«Если бы кто-то спросил лично меня – не как полицейского, а как гражданина, я бы ответил, что не на три года, как это указано в законодательстве, надо отправлять на тюремные на-*

ры таких покемонистов, а минимум на пять, а то и больше, чтобы другим неповадно было богохульствовать в святых местах. Уверен, что этот чудак, причисляющий себя к охотникам на покемонов, вряд ли бы сделал то же самое на месте захоронения своих родных и близких. А сейчас он поглумился на месте расстрела мракокраснобесами целой семьи, в том числе детей. Мало кто поддержит выходки этого так называемого блогера. Не нужно путать демократию со вседозволенностью. По-моему, это провокация, откровенный вызов всему обществу. Как мы всеотреагируем на это? В очередной раз проглотим плевок во всех здравомыслящих людей? Одни вертихвостки в Москве уже дошутились. Чем это закончилось, всем хорошо известно».

Я читал это и не мог поверить своим глазам! Разве эти слова полицейского не были призывом к разжиганию ненависти и вражды не только ко мне, но и к другим атеистам? «Чтоб другим неповадно было» – это типа «повесим одного и оставим болтаться, чтоб остальные боялись»? А «богохульствовать в святых местах» – это как? Ну вот объясните мне, как место убийства убийцы может быть святым? И даже если опустить всю эту лирику про гонение, унижение и уничтожение Николаем Кровавым собственного народа, то мест, где совершались жестокие и несправедливые казни, убийства и трагедии, на Земле нашей бесчисленное количество. Может, как раз в том месте, где товарищ полицейский в туалет ежедневно ходит, когда-то злодей-помещик задушил

собственными руками несовершеннолетнюю крепостную девушку, что отказала ему в интимной связи? Может, она, бедная, не меньше каждой расстрелянной царской дочери страдала и была унижена всю свою недолгую жизнь? И кто, как не она, должна была быть признана великой мученицей церковью нашей православной? И она, добрая крестьянка, краснощекая, совсем ещё юная, необразованная, с широкой русской душой, прежде других святош и вельмож должна была попасть на иконы. Ей, как и всему многострадальному русскому народу, вечно плетущемуся по пыльным дорогам необъятной родины в рабских кандалах своих, должны были храмы на крови возводить и молитвы шептать! А разве не является богохульством то обстоятельство, что субъект Российской Федерации, где расположено то самое святое место, где царскую семью расстреляли, до сих пор носит имя другого палача, в числе других давшего санкцию на расстрел этой семьи? И почему этот оборотень в погонах ничего про Красную площадь не сказал? *Поруганнее и богохульственнее* места на земле русской ещё поискать нужно! А как можно было отнестись к его «Как мы всеотреагируем на это? Одни вертихвостки в Москве уже дошутились»? Это уже угроза была? Или призыв к расправе?

С экранов телевизора, в интернете на меня сыпались обвинения в разжигании ненависти и вражды к верующим. Выступали какие-то подозрительные субъекты, уверяющие в оскорблении их чувств. Были и такие, что прямым тек-

стом угрожали расправой и желали моей смерти. Протоиерей Смирнов так вообще предложил меня на кол посадить. Это меня не могло не позабавить. Поначалу.

Читая каждый день свежие комментарии о себе, я понемногу стал осознавать, что всё это скоро может закончиться. Причём не лучшим для меня образом. Внутренний голос подсказывал мне, что церковно-государственная карательная машина всерьёз повернула свою гильотину в сторону моей головы. Простым сотрясением воздуха и потоком хлынувших на меня обвинений явно всё это не должно было закончиться. Я стал ждать, когда в мою дверь позвонят и представятся.

Верить в это не хотелось. На всякий случай я даже ролик выпустил, где попытался объяснить, для чего я в храм ходил. Шли дни, но кроме злобных обвинений в сети в мой адрес – ничего. Спустя неделю я даже подумал: «Может, пронесло?» Но тревога не проходила. Было такое чувство, как в школе, когда училка говорит: «К доске пойдёт...», а затем начинает скользить пальцем по журналу, вчитываясь в фамилии. И чем ниже её палец двигается по списку, тем ниже ты съезжаешь со стула, пытаясь спрятаться под партой. Как это мучительно – ждать, что назовут именно твою фамилию, но при этом надеяться, что на сей раз пронесёт. Я закрывал глаза и представлял, как сижу в классе. В самом центре. Один. Наедине с учителем. А она издевательски медленно читает фамилии, приближаясь к моей. И когда вдруг останавливается,

как бы радостно найдя то, что искала, также медленно поднимает голову и вонзает свой взгляд прямо в мою переносицу. Я не слышу её голоса. Давление зашкаливает, и кровь выстукивает по вискам марш, под который меня, связанного, несут и бросают в костер. Мы с друзьями вновь и вновь просматривали новостные выпуски обо мне, все смеялись. И я. Но с каждым просмотром я всё ближе и ближе чувствовал жар костра.

Наступил сентябрь, и с началом учебного хода шумиха вокруг меня стихла. Накануне того дня, когда жизнь моя перестала быть прежней, Ирка осталась у меня на ночь. У неё началась учёба, а от меня до универа добираться было слишком долго, поэтому мы уже настроились видеться только на выходных. Пока она принимала душ, я прошёлся вдоль стола, где было расставлено моё «студийное» оборудование. Мысленно прокрутил последние ролики, вспомнил, что так и не внедрил в секту и не снял хороший сюжет об этом. «А где, кстати, ручка?» – подумал я и стал открывать многочисленные коробочки. «Вот она», – она была абсолютно новая, лежала в жёлтой упаковке от «Алиэкспресс». На упаковку была наклеена бумажка с моей фамилией и адресом. Я зачем-то подковырнул её ногтем, не удержался и полностью оторвал, смял и выбросил в ведро. Потом потрогал диски и флэшки с записанными видео, переложил их с одного края стола на другой. Затем развернул штатив с видеокамерой к дивану. Мне в голову пришла шальная мысль записать на ка-

меру, как мы с Ирккой занимаемся сексом.

«Может, заранее обсудить с ней это?» – задавал я себе вопрос, замечая, что только от одной мысли моё возбуждение возрастало. «Или сделать ей сюрприз?» – эротическая фантазия быстро разыгралась и помчала меня во все тяжкие. «Она мне этого не простит, но, уверен, сама жутко возбуждётся», – продолжал я прокручивать воображаемый сюжет, совсем не заметив, как Ирка подошла ко мне сзади и ещё мокрым телом прижалась, нежно обвив мою талию своими руками. Я медленно развернулся, и полотенце с её плеч соскользнуло на пол.

Мы снули поздно. Даже не помню, как глаза начали смыкаться. В тот вечер между нами, как в грозовую ночь, один за одним пробежали электрические разряды, страсть была такая безумная и безудержная, что, чуть отдохнув, нас вновь и вновь бросало друг к другу, соединяя в один проводник, в одну замкнутую цепь. Может, вмешалось шестое чувство, как будто понимаешь, что с человеком тебе увидеться больше не суждено, и вы смотрите друг на друга, держите друг друга за руки, гладите другу другу волосы и плечи, как в последний раз, чтобы каждый бугорок, каждая морщинка, каждый волосок остались в памяти кончиков пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.